

Это был первый настоящий праздник, который они отмечали вдвоем, поэтому всё было иначе.

Более того, для Сюэ Динъюаня это был первый раз за две жизни, когда он так серьезно и со всей душой готовился к празднику. Его энтузиазм был на высоте, а в глазах буквально светилось счастье.

Когда наконец наступил первый день Нового года, Ло Синьнин дала ему два выходных. С самого утра он с Чу Хуншэном пошли позавтракать баоцзы, затем заглянули на утренний рынок, купили пучок лука-батуна и несколько стеблей сельдерея и только потом вернулись домой, чтобы приняться за хлопоты.

Начали с уборки, но квартира была всего около тридцати квадратных метров. Двумим крупным парням на такой площади пришлось тесниться, то и дело задевая друг друга локтями и плечами. Однако благодаря слаженной работе они управились меньше чем за час. Всё оставшееся время они посвятили готовке.

Квашеную капусту достали, нарезали и подготовили для тушения с трубчатыми костями. Ребра обдали кипятком, чтобы потом потушить с картофелем. Лучшие куски свиной грудинки нарезали кубиками для тушения в соевом соусе. Капусту и огурец нашинковали соломкой, вермишель ошпарили для холодной закуски. Ещё был кусок тофу, который планировалось потушить с овощной горчицей, и большой карп для жарки.

Глядя на маленькую кухню, заставленную доверху продуктами, Сюэ Динъюань ощущал невыразимую радость. В обычной жизни не нужно особых изысков, а то, что еда становилась всё вкуснее и сытнее, означало, что в жизни появляется перспектива.

Когда всё было готово, он принялся за тесто, а Чу Хуншэн начал рубить начинку — они решили слепить пельмени.

Ведь это праздник, а пельмени — к счастью.

Поскольку у них была лишь одна газовая конфорка, а меню состояло из сложных блюд, то, несмотря на ранний старт, к моменту, когда всё было готово, на дворе уже было два-три часа дня. Но к счастью, утром они плотно поели, так что голод пока не чувствовался.

На столе стояли блюда, от которых поднимался согревающий душу пар. Чу Хуншэн на кухне варил пельмени, а Сюэ Динъюань открыл две бутылки пива.

Когда пельмени подали, Сюэ Динъюань взял два стакана, налил пиво Чу Хуншэну и уже собирался налить себе, как вдруг услышал его голос:

— Подожди.

Сюэ Динъюань вопросительно посмотрел на него, но в тот же миг Чу Хуншэн выхватил у него бутылку:

— Ты ещё маленький, алкоголь нельзя.

Сюэ Динъюань замер.

Ему так и хотелось сказать Чу Хуншэну, что ему уже почти сорок лет.

К тому же, в шестнадцать лет пить можно, не так ли? В прошлый раз он отказался, потому что

не хотел пить с Ван Гоуа, но с таким другом, как Чу Хуншэн, он мог бы выпить и не одну тысячу бокалов.

Чу Хуншэн, видя, как Сюэ Динъюань колеблется, пошел на кухню и через минуту вышел оттуда с большой зелёной бутылкой:

— Это для тебя.

Сюэ Динъюань взгляделся внимательнее. Ну конечно, «Дабайли»!

Чу Хуншэн с серьёзным видом, словно угрожая, произнёс:

— Ты можешь пить только это.

С этими словами он налил ему полный стакан, до самых краёв, из которого весело поднимались пузырьки.

Сюэ Динъюань растерялся.

Ладно, вообще-то он не большой любитель алкоголя, просто хотел создать атмосферу. К тому же, через несколько лет «Дабайли» вытеснят «Спрайт» и «Кола», так что можно выпить сейчас на ностальгии.

Он поднял стакан с напитком:

— Ладно, если не жаль — угощаю.

Ужин они растянули почти на час, и хотя не было шумных возлияний, прошло всё очень душевно.

После еды Чу Хуншэн не позволил Сюэ Динъюаню убираться со стола и отправил его отдыхать.

Сюэ Динъюань действительно много съел и выпил, живот даже выпятился вперёд. Он повалился на диван и, пользуясь своим юным возрастом, начал потихоньку стонать, что вот сейчас лопнет.

Чу Хуншэн выпил две бутылки пива и не был пьян, но из-за духоты в комнате его слегка накрыло, и в этот момент ему было так хорошо и легко. Услышав стоны Сюэ Динъюаня, он тут же напрягся, лицо стало строгим, и он быстрым шагом направился к выходу.

На кухне он прислонился к двери, ведущей на балкон.

В комнате было жарко, и он был одет только в спортивные штаны и майку-алкоголичку. Балкон же не был утеплён, и сквозь щели в дверной раме пробивался холодный воздух. Прижавшись к двери, Чу Хуншэн почувствовал, как этот холод проникает под кожу, в мясо и кости.

Лицо его оставалось абсолютно спокойным, но в душе он испытывал огромное облегчение.

Он простоял так всего пару минут, но побоялся, чтобы Сюэ Динъюань ничего не подумал, и вернулся в комнату продолжать уборку. Однако руки двигались гораздо медленнее, поэтому к моменту, когда всё было закончено, прошло ещё с полчаса.

Когда он снова зашёл в комнату, Сюэ Динъюань уже спал на диване.

Диван был невелик, и одна нога Сюэ Динъюаня с частью тела висели в воздухе, создавая впечатление, что он вот-вот упадёт.

Только он об этом подумал, как Сюэ Динъюань сделал небольшой переворот, и Чу Хуншэн мгновенно метнулся к нему, намереваясь подхватить.

Но Сюэ Динъюань чудом удержался на диване, опасно качнувшись, но не упав.

Чу Хуншэн выдохнул и медленно опустился на корточки перед диваном, тихо глядя на Сюэ Динъюаня.

На самом деле он знал о таком человеке, как Сюэ Динъюань, очень давно. О том, как Чжан Цуйлань издевалась над ним, знали во всей деревне.

Но сплетни за спиной о том, какая Чжан Цуйлань бессердечная, ничем не помогали Сюэ Динъюаню. Что же касается прямого вмешательства, то хотя некоторые, вроде старосты, пытались уговорить женщину, всё было безрезультатно: во-первых, это чужая семья, полицию не вызовешь, а во-вторых, Сюэ Динъюань всегда вёл себя так, будто во всём виноват сам.

В то время Чу Хуншэн не имел о нём никакого мнения... Вернее, не мог не иметь, ведь жили в одной деревне, виделись, но контактов не было. Более того, в нём жило некоторое пренебрежение к Сюэ Динъюаню.

Человек, который может так безропотно терпеть унижения, был неинтересен Чу Хуншэну, местному задире. Даже если они сталкивались взглядами, он отводил глаза.

К тому же, они тогда особо и не пересекались. Ведь такой отличник, тьфу... При встрече с такими парнями, как Чу Хуншэн, они обычно прятались за спину учителя.

Но потом в его семье случилась беда. Отец попал в аварию. Сначала он ещё держался, хотя врачи говорили, что надежды почти нет. Но пока он дышал, его нужно было поддерживать.

Деньги утекали рекой. Несмотря на то, что в деревне они жили неплохо, такие расходы были не под силу.

Прораб... Прораб оказался человеком добрым, он прямо встал на колени у постели отца, но денег у него не было, правда-правда. Это был его первый подряд, он взялся за него только потому, что объём работ был небольшим. Да и своего имущества у него не было, всё было заложено в банке, а деньги — в стройке...

Чу Хуншэн тогда ненавидел себя. При таком-то росте и возрасте он всё ещё учился и не мог заработать ни копейки. В порыве гнева он побежал в школу забирать документы, но у входа столкнулся с Сюэ Динъюанем.

Тот шел навстречу, торопясь, даже не посмотрел на него и, словно случайно, а может и нарочно, врезался в него.

У Чу Хуншэна и так душа кипела, он уже занес было кулак, но вдруг обнаружил, что в руке у него пачка мелких купюр.

Он тогда замер, а когда оглянулся, Сюэ Динъюаня уже и след простыл.

Пересчитав, он обнаружил, что всего два юаня. Некоторые купюры были такими ветхими, что

едва держались, а от пота они стали влажными и мягкими.

Для Сюэ Динъюаня, при его жизни, эти два юаня, вероятно, копились с самого детства.

Чу Хуншэн сжал ладонь. Мягкие бумажки казались колючими...

Позже, когда они поговорили и всё выяснили, Сюэ Динъюань даже не помнил этого случая и назвал его дураком, раз он из-за двух юаней готов был на всё.

Чу Хуншэн ничего не ответил, но в глубине души чувствовал: тогда в его ладони были не деньги, а чьё-то сердце.

С тех пор он решил: если у Сюэ Динъюаня будут трудности, он обязательно поможет.

Но потом... Родители прораба продали дом, все дети собрались и скинулись, amassed более 30 000 юаней, среди которых тоже было много мелких купюр. Но когда прораб принес эти деньги в больницу, отец Чу Хуншэна уже не смог держаться.

Родителям прораба было уже за семьдесят, дряхлых стариков дети под руки привели в больницу, чтобы просить прощения у его матери. Они плакали вместе с ней, клялись, что как только заработают, вернут всё с лихвой...

Плакали, плакали, и его мать потеряла сознание. Обследование показало рак — рак лёгких. Опухоль находилась в таком месте, что операцию делать нельзя, только химиотерапия и облучение.

Начались дни беготни по больницам с матерью, он крутился как белка в колесе. Но в редкие минуты покоя он всё время думал о Сюэ Динъюане, не мучают ли его снова.

<http://bllate.org/book/16745/1561810>